

эта новая эпоха будет запечатлена более, нежели всякая другая, **мировым влиянием России и русской культуры.**

Обратимся же, наконец, к самим себе!

III

В № 507 «Накануне» от 16 декабря 1923 г., в статье «О себе», Н. Устрялов и его группа были причислены к т. н. «формальным демократам». Проф. Устрялов не принимает этого определения, и пишет нам, что в ряде статей он высказывает другую точку зрения, характеризуемую прилагаемой ниже статьей «Фрагменты». Давая место этой статье одного из основоположников «сменовеховства», ред[акция] с удовлетворением отмечает, что, неизбежные при оторванности огромным расстоянием и разности обстановок, расхождения между нею и Н. Устряловым по вопросу о кризисе демократии не так велики по существу, как это могло бы показаться с первого взгляда.

*Редакция*¹⁷

К модной теме о «кризисе демократии»

<Фрагменты>

Да, тема, бесспорно, модная. О переломе исторических путей теперь читаешь не только у философствующих «романтиков», вроде Шпенглера или Бердяева, но и у писателей трезвого ума, острого взгляда, точной науки: достаточно припомнить хотя бы знаменитого итальянского историка Ферреро¹ и наших выдающихся ученых Виппера² и Ростовцева³.

От этой темы нельзя благодушно отмахнуться: «кризис», мол, «выдумали профессора», подобно тому, как врачи выдумывают болезни. Все, мол, обстоит благополучно на прилизанных дорожках раз навсегда налаженного прогресса. Такой элементарный, обывательский оптимизм просто слеп. Он даже не чувствует проблемы. Споры с ним поэтому совершенно бесполезны. По отношению к нему применим известный совет Ницше: «Бывают противники, с которыми можно сделать только одно:

— Пройти мимо»...⁴

* * *

Но, может быть, эта тема не более, чем только «модная»? Часто слышишь, что она — плод ненормальной современной ситуации, порожденной мировой войной. Войдут в русла взбаламученные человеческие реки — и снова засияет солнце парламентов, возблещет демократия.

Вероятно, то же самое говорилось многими сенаторами на римском форуме в эпоху Цезаря⁵. Про монархию Божией милостью аналогичные суждения высказывались в годы французской революции. «Маленькое случайное недоразумение, а там опять все войдет в норму». И смеялись над Гёте⁶, отозвавшимся на битву при Вальми: — «Сегодня родился новый период всемирной истории, и каждый из нас вправе сказать, что присутствовали при его рождении»...⁷

Разве мировая война есть не более, чем досадный исторический случай? Разве она была чем-то «ненормальным» в условиях предвоенной эпохи? Неужели даже и теперь не очевидно, что военная катастрофа диктовалась фатально всем складом предшествующих десятилетий, была их итогом, их венцом, их Немезидой⁸? «Кризис демократии» зрел до войны. Как и в истории Рима, в европейской истории демократия разлагалась тем сильнее, чем успешнее побеждала. Она способна, по видимому, жить лишь в атмосфере борьбы, но не победы. Она, говоря философским слогом, «таит в себе свое собственное отрицание».

Но что такое демократия?

* * *

Для демократии новой истории характерны два момента, два принципа, исчерпывающие ее содержание: 1. «личные права» и 2. «народный суверенитет». — Это и есть то, что называется «великими принципами [17]89 года»⁹. Статья первая декларации прав человека и гражданина: *«люди рождаются и живут свободными и равными в правах»*. Статья третья той же декларации: *«принцип всякого суверенитета покоится в народе»*.

Да, «великие принципы». Зажегшие сердца. Творившие живую плоть новейшей истории. Раз навсегда в тяжелой вековой схватке сокрушившие старый многовековой «принцип власти». Нет и не будет больше старых аристократий. Нет и не будет больше старых монархий «Божиею милостью».

И здесь опять-таки мировая война лишь подвела итог назревшим тенденциям. Умерли благоустроенные монархии — [17]89-й год трубит последнюю победу.

* * *

Пиррову победу¹⁰. Победившая демократия на длинном и славном пути победы незаметно растеряла свои принципы. Чем-то забытым и далеким представляется нам теперь французская декларация прав, — почти «пропавшей грамотой»¹¹.

Свобода и права человека? О, эта формула уже давно успела обрасти мохом. «Голос свободы ничего не говорит сердцу того, кто умирает с голоду». Индивидуалистическая культура — наиболее глубокое проявление демократической идеи нового времени — ныне охватывается зловещими сумерками. Из «эпохи субъекта» мы явственно вступаем в «эпоху объективности» (Гегель)¹². Оживает старая сентенция Аристотеля: «Государство существует прежде человека»¹³. Исчезает мало-помалу сама идея «субъективного права», заменяясь принципом «общественной функции». Свобода — не право, а обязанность. Не только социализм, но и все виды солидаристской, синдикалистской и фашистской идеологии горячо провозглашают *культ всемогущей государственности*, перед коей бледнеют и тают неотчуждаемые личные права. В исторической атмосфере пахнет «тиранией альтруизма». Культура грядущего столетия реставрирует — по новому, по своему — концепцию Левиафана¹⁴.

Великий Инквизитор¹⁵ и демократия «великих принципов 89 года» — явления органически несовместимые.

* * *

Но как же «народный суверенитет»? — термин великих надежд и высоких слов. Так удобно им клясться на митингах, щеголять в статьях. Но насколько трудней определить его реальное содержание!

Воля народа — идея, а не факт. Откуда известно, что у «народа» имеется «воля» в лучшем смысле этого слова, т. е. ясное сознание своих целей и средств их осуществления? Ибо если его воля должна быть понята «по-шопенгауэровски»¹⁶, т. е. как безумное, слепое, бессмысленное стремление, — то она, очевидно, не может считаться «последним законом мудрости»... Второй проклятый вопрос: — как узнать, разгадать волю народа, если даже и предположить ее наличность?

Оба эти вопроса встали практически перед победоносной демократией новой истории. Она выдвинула идеи всеобщего избирательного права и парламентаризма, как наиболее способные обеспечить реальное народоправство.

Увы, победа этих идей лишь продемонстрировала их бессилие. Ликвидированы монархи и верхние палаты, четыреххвостка торжествует со всеми своим усовершенствованиями. Но именно тогда-то и обнаруживается вся фетишистская наивность «мистики большинства», весь жалкий обман «арифметического представительства», атомизирующего живой социальный организм.

Не арифметика, а психология творит историю. Психология, воплощаемая в реальную внешнюю мощь. Рационализаторски упрощенный государственный механизм переставал быть даже и фотографией страны с ее творческой борьбой различных сил. И жизнь пошла своей колеей, опрокидывая надутые фикции — поздние плоды классического «века просвещения» и энциклопедизма...

Думали, что, покончив с коронами и «палатами знати», возведут на престол избирательный бюллетень. Но разве вместо старых органических объединений не рождаются новые? Разве советы рабочих и крестьянских депутатов — не новые «палаты знати»? Разве «представительство интересов» — не кризис интегральных демократических канонов?..

Реально правят авангарды социальных слоев: промышленной и финансовой буржуазии, крестьянства, рабочих союзов. Фокус современной политики — за стенами парламентов. Политику делает инициативное меньшинство, организованное и дисциплинированное. Не избирательный бюллетень, а «скипетр из острой стали», хотя и без королевских гербов, — сейчас в порядке дня.

И день этот будет долог. Это будет целый исторический период. Чуткий взор Ницше отчетливо различал его контуры:

— Высшая порода людей, сильная волей, знанием, влиянием — воспользуется демократической Европой как послушным орудием, возьмет в свои руки судьбы земли и будет, подобно художнику, творить новые ценности из человеческого материала¹⁷.

* * *

«Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!». Какой это пышный и громкий самообман! Как разительно перевернулось взаимоотношение премьеров и парламентов! Недаром сами

демократы ныне уже объявляют, что «глубоко коренящийся аристократизм является солью жизнеспособного демократизма»¹⁸. (Гасбах¹⁹; см. статью проф. Новгородцева «Демократия на распутье» в сборнике «София»²⁰). Сами демократы приходят к выводу, что демократизм есть не что иное, как *мудрая олигархия*.

Но все неотвратимее и определеннее даже и сами вожди формируются путем внепарламентских влияний. Факты общеизвестны (в частности, я уже перечислял их в своей статье о современной демократии в юбилейном — 7 ноября — номере «Новой Жизни»²¹). История разрывает устаревшие формы механического демократизма, и там, где они не хотят спадать безболезненно, подобно ветхой чешуе змеи, мы наблюдаем революции и государственные перевороты.

* * *

«Пусть так. Но разве все это — к лучшему?» — Наивный вопрос. Покоящийся на «линейной теории прогресса», как последовательного перехода со ступеньки на ступеньку в обитель всеобщего глупого благополучия. Это опять — отрывки веселого просветительства XVIII века...

Ему можно противопоставить любопытное пророчество Герцена о «третьем тоне всеобщей истории»:

— Основной тон его мы можем понять и теперь. Он будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией... Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, корзи э рикорзи²² истории, бесконечный круговорот жизни...

